

Чэн Юй подозвал Хуан Тая и шепнул ему на ухо:

— «Интеллектуал» — это ты?

Хуан Тай не ответил, только моргнул.

Чэн Юй понял и дал Хуан Таю задание — следить за остальными.

Остальные остались на своих местах под наблюдением Хуан Тая.

После того как Хуан Тай ушел, Чэн Юй взял черный ящик и начал его изучать. Повернув голову, он заметил, что человек у передней двери сменился.

— Почему ты? Где Старина К?

Гу Ши лениво прислонился к двери и посмотрел на него, затем указал взглядом на заднюю часть аудитории:

— Если время выйдет, и ты не получишь нужный результат, они попытаются прорваться. Первым пострадает Старина К, а затем ты.

Чэн Юй остановился и усмехнулся:

— Так ты думаешь, что сможешь защитить меня?

— Мм, — спокойно ответил Гу Ши, его черные глаза скрывались под прядями волос, а взгляд был ярким и пронзительным.

Чэн Юй не спеша осматривал черный ящик.

Это был специальный ящик, который нельзя было вскрыть силой. Когда он его тряс, то заметил, что вес был необычным. Теперь, держа его в руках, он понял, что ящик стал намного легче.

Он был уверен, что проблема в ящике.

Гу Ши, прислонившийся к двери, заметил его задумчивость и спросил:

— Есть что-то, что ты не можешь понять? Могу помочь.

Чэн Юй посмотрел на него:

— В ящике что-то не так. Раньше он был тяжелее, но его конструкция сложная, нельзя просто взять и вскрыть.

— Там есть что-то легковоспламеняющееся или взрывоопасное? — спросил Гу Ши.

Чэн Юй покачал головой. Не понимал, зачем тот это спрашивает.

Гу Ши подошел к нему, и Чэн Юй сразу отступил.

Но Гу Ши схватил черный ящик и шепнул ему на ухо:

— Тогда все в порядке.

БАМ!

На глазах у ошеломленного Чэн Юя Гу Ши одним ударом разрубил ящик.

Среди осколков на кафедре действительно оказались неповрежденные записки и обрывки бумаги, которые бабуля порвала на куски.

— Не благодари, собирай быстрее, — Гу Ши повернулся и снова вернулся к двери, лениво прислонившись, скрывая взгляд и выражение лица под прядями волос.

Чэн Юй посмотрел на беспорядок на кафедре, и в животе снова дернуло. Он сдержался, и боль быстро прошла. Вздохнув, он повернулся к Гу Ши:

— Даже если там нет ничего взрывоопасного, нельзя было просто так его разрубить!

— Ты сказал, что нельзя вскрыть, но не сказал, что нельзя разрубить, — Гу Ши поднял голову и возразил, его глаза выражали легкую обиду.

Чэн Юй был в замешательстве.

Ладно, этот парень упрям, я ему не переспорю!

И еще с таким видом, будто я его обидел!

Чэн Юй разделил кафедру на три части: в середину положил осколки ящика, слева — записки, справа — обрывки бумаги.

Собрав записки, он положил их в карман.

Обрывки он завернул в пустую записку, чтобы позже, когда никого не будет, попытаться их собрать.

Гу Ши посмотрел на часы. Осталось две-три минуты, и он велел Чэн Юю уйти, а сам встал на кафедру.

Когда бабуля и Хун Мэй вошли, они увидели, как Гу Ши разбил правое окно аудитории и выбросил что-то наружу.

Бабуля мгновенно переместилась к окну, но успела увидеть лишь осколки черного ящика.

Она с трудом сдерживала эмоции:

— Зачем ты выбросил ящик?

Гу Ши ответил:

— Он был некрасивый, слишком мрачный.

Бабуля задумалась:

— Хорошо, позже я заменю его на что-нибудь поярче.

— Спасибо.

Чэн Юй, вернувшись на свое место, чуть не упал от удивления.

Эта причина была настолько абсурдной, что бабуля ей поверила?

Как будто угадав его мысли, Гу Ши сказал:

— Чем проще объяснение, тем больше они в него верят.

Чэн Юй: [...]

Верю, конечно!

Начался второй раунд тайного голосования.

Бабуля и Хун Мэй, как и раньше, раздвинули доску посередине, и стрелки часов на передней стене аудитории остановились на двенадцати.

Все понимали, что сейчас из щели в доске появится луч света.

И действительно, через мгновение появился ожидаемый луч.

Единственное отличие было в том, что в луче слышались шумные голоса и мелькали неясные силуэты.

Но Чэн Юй по силуэтам понял, что это была сцена из ночи визита государевой наложницы Юань к родным. Он огляделся, и все вокруг смотрели внимательно, что означало, что они тоже это поняли.

От встречи государевой наложницы с семьей Цзя до момента, когда Цзя Баоюй написал стихи.

Щель исчезла, доска вернулась в нормальное состояние, стрелки часов снова пошли.

Бабуля и Хун Мэй переглянулись, и Хун Мэй снова раздала всем бумагу и ручки, кроме Чэн Юя.

Бабуля вышла.

Гу Ши, получив бумагу и ручку, еще не успел ничего написать, как Чэн Юй выхватил их у него.

Гу Ши посмотрел на него, его большие глаза выражали недоумение.

Чэн Юй, с хитрым блеском в глазах, тихо сказал:

— Сейчас ты притворись, что пишешь, а потом отдай мне, я тоже напишу кодовое имя.

Гу Ши: [...]

Он указал на Хун Мэй, стоящую за спиной Чэн Юя.

Ты что, ищешь неприятностей?

Хун Мэй предупредила:

— Ты, иди вперед.

Чэн Юй встал и бросил на Гу Ши недовольный взгляд. Почему ты не предупредил меня раньше!

Гу Ши развел руками, показывая, что он бессилен.

Чэн Юй подошел к передней части аудитории, встал лицом к стене, опустив голову, спиной ко всем.

Это напомнило ему школьные времена, когда его наказывали за плохое поведение на уроках, заставляя стоять у стены и думать о своем поведении.

Он тихо засмеялся.

Но смех быстро сменился гримасой боли, и его правая рука непроизвольно легла на живот. Лоб покрылся холодным потом, тело начало качаться, а веки тяжелели.

Хун Мэй еще что-то говорила, когда увидела, как Гу Ши вскочил с места и бросился к передней части аудитории.

В полубессознательном состоянии Чэн Юй почувствовал, как кто-то подхватил его падающее тело.

С облегчением он закрыл глаза.

— Чэн Юй! Чэн Юй! Чэн Юй! Проснись! Проснись... Чэн Юй, это я, Гу Ши! Чэн Юй, что с тобой?

Гу Ши похлопывал его по щекам, зовя его.

Человек в его объятиях был бледен, покрыт холодным потом, а губы были плотно сжаты.

Гу Ши позвал его еще несколько раз, прежде чем Чэн Юй пришел в себя.

Веки словно были раздавлены, Чэн Юй медленно открыл глаза и увидел знакомое лицо. Он, как ребенок, покраснел и прошептал:

— Гу Ши, у меня болит живот...

Не закончив фразу, он потерял сознание.

— Чэн Юй! Чэн Юй! Чэн Юй! — Гу Ши продолжал звать его, держа на руках.

Когда дверь аудитории открылась, бабуля держала в одной механической руке пятицветную шкатулку, а в другой — пауэрбанк, который она где-то нашла.

Увидев, что Гу Ши держит на руках Чэн Юя, она спросила:

— Что случилось?

Неужели, пока меня не было, этот парень подрался с Хун Мэй?

Гу Ши, глядя на бледное лицо Чэн Юя, спокойно объяснил:

— У него болит живот.

— ??? У него... болит живот?

Бабуля с облегчением вздохнула, поставила шкатулку и пауэрбанк. Ее длинная механическая

рука активировалась, и она взяла Чэн Юя у Гу Ши, подняв его в воздух. В следующий момент ее глаза стали синими.

Чэн Юй, как тряпичная кукла, был просканирован механической рукой и синими глазами бабули.

Синий свет прошел по всему его телу, и затем его аккуратно опустили, передав Гу Ши.

— В аудитории 555 есть ингредиенты, приготовь ему теплый суп для желудка, — сказала бабуля, глядя на бледное лицо Чэн Юя. Тест еще не закончен, нельзя, чтобы он действительно заболел.

Гу Ши снова взял Чэн Юя на руки и, проходя мимо бабули, сказал:

— Спасибо.

— После входа в аудиторию начнется отсчет времени, максимум пятнадцать минут, — напомнила бабуля, глядя на спину Гу Ши.

Гу Ши остановился, посмотрел на человека у себя на руках и ответил:

— Понял.

Остальные в аудитории остались под присмотром бабули и Хун Мэй, им не разрешили идти за ними.

Даже если кто-то из них действительно беспокоился о здоровье Чэн Юя, они не могли лично позаботиться о нем. Но была и другая причина.

Два главных лидера ушли, как будто во время школьного экзамена, когда лучшие ученики внезапно покидают аудиторию.

Авторское примечание:

Гу Ши: Острый чили-соус хорош, но не стоит им злоупотреблять.

Чэн Юй: Ты думаешь, я переадаю? Меня заставили!

[Спасибо за чтение]

<http://bllate.org/book/16242/1460002>